

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ф. ВИГЗЕЛЛ

Блудные сыновья или блуждающие души: «Повесть о Горе-Злочасти» и «Очарованный странник» Лескова

Лесков-художник органически связан со всей историей отечественной литературы от древности до нового времени, в его творчестве прослеживаются многообразные отношения с самыми различными историческими пластами русской словесности

Д. С. Лихачев

Когда в 1856 г. была найдена единственная существующая рукопись «Повести о Горе-Злочасти», событие это взбудоражило любителей и знатоков древнерусской словесности. В течение последующих пятнадцати лет текст «Повести» переиздавался не менее пяти раз. Одновременно с этим такие маститые ученые, как Н. И. Костомаров, Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня, вели оживленные дискуссии о том, считать ли «Повесть» произведением народного или литературного искусства и в какой степени она является выражением старых русских нравственных норм поведения.¹ Будучи писателем, живо интересовавшимся русскими народными и литературными традициями, Лесков наверняка был хорошо осведомлен о сути критических оценок «Повести о Горе-Злочасти» к тому времени, когда осенью 1872 г. он сам задумал написать свою повесть «Очарованный странник».² Но вряд ли он мог предположить, что когда-нибудь и его собственное произведение будет подвергнуто детальному рассмотрению с точки зрения его взаимоотношения с произведениями народной и древнерусской словесности и возбудит споры по поводу его композиции и интерпретации.

Цель данной статьи — проследить цепь литературных и фольклорных аллюзий в произведении Лескова и одновременно продолжить толкование и «Очарованного странника», и «Повести о Горе-Злочасти».³ С моей точки зрения, помимо невольной проведенной выше параллели эти два произведения теснее связаны между собой, чем может показаться на первый взгляд. Некоторые связи могут быть прослежены путем сравнения их с притчей о

¹ См. Виноградова В. Л. Повесть о Горе-Злочасти (библиография) // ТОДРЛ. М., Л., 1956. Т. 12. С. 622—641.

² То, что Лесков хорошо знал «Повесть о Горе-Злочасти» видно из его рассказа «Гра беж» (1887). См. Прокофьев Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 132.

³ Здесь имеются в виду работы М. П. Чередниковой, Н. Г. Михайловой, Б. С. Дыхановой и в особенности А. А. Горелова.

блудном сыне (Лк. 15:11—32), с которой перекликается не только «Повесть», но также и «Очарованный странник».⁴ Связи эти в целом проливают свет на данные произведения, но помимо этого также раскрывают для нас многое в авторских намерениях.

Наиболее очевидны здесь совпадения в сюжете: во всех трех историях главный герой — молодой человек, покидающий дом с целью начать новую жизнь, но обнаруживающий вскоре, что достижение цели труднее, чем он себе дотоле представлял. Здесь сюжеты расходятся, ибо в притче блудный сын, покинув дом, затем возвращается к простившему его отцу, в то время как «молодец» в «Повести» и Флягин в «Очарованном страннике», взбунтовавшись, оставляют родительский дом и в конце концов уходят в монастырь, в котором видят единственный путь к преодолению вставших перед ними препятствий. Другие очевидно схожие сюжетные элементы прослеживаются в притче и в «Повести», но не в «Очарованном страннике»: молодые герои, покинув состоятельный и уютный дом, далее ведут себя практически идентично, что в Евангелии от Луки (15:13) выражено словами: «...пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно», релевантными в обоих случаях. До сих пор поверхностные сходства подтверждают мнение, из которого следует, что «Повесть» заимствует многое из притчи, в то время как произведение Лескова опирается лишь на «Повесть».

Но подобное заключение должно быть пересмотрено в свете композиционных закономерностей. На первый взгляд, композиционные особенности трех текстов, в отличие от сюжетов, имеют между собой мало общего. Указывая на то, что по внутренней структуре «Повесть» напоминает «волшебную сказку», А. Ю. Федоров замечает, что если бы, как притча о блудном сыне, «Повесть» завершалась благополучным исходом, «то в основании ее хронотопа лежал бы круг».⁵ Вместо этого он предлагает по существу круговую модель как основу «Повести», в которой преследование «молодца» Горем и его уход в монастырь являются неспособностью завершить круг. Композиция «Очарованного странника», напротив, была описана Н. К. Михайловским часто цитируемой и широко употребляемой фразой — «целый ряд фабул, нанизанных, как бусы, на нитку». Если все три произведения считать нравоучительными историями или же, в случае «Очарованного странника», историей с ярко выраженным нравственным элементом, то за разрозненными построениями начинают вырисовываться определенные сходства. Уподобление притчи кругу основано исключительно на том, что герой возвращается к месту, которое он покинул, в то время как в сюжете прослеживается моральный и физический путь — как прямой, так и обратный, без каких бы то ни было вставных эпизодов. Моральная аллегория этого пути заключается в том, что молодой бездумный грешник спускается в некий земной ад, из которого христианское учение позволяет ему смиренно вернуться назад к любящему отцу. С этической точки зрения путь представляет собой не столько круг, сколько падение и взлет. Что же касается «Повести», она тоже не представляется мне замкнутым кругом. Хотя Федоров говорил о замкнутых временных структурах, по сути дела его рассуждения касаются морфологии произведения, частью которых является уподобление «Повести» кругу. И несмотря на то что в его мнении о том, что автор подсознательно опирался на морфологию «волшебной сказки», возможно, есть доля правды, Федоров не принимает должным образом во внимание наставительный элемент, присутствующий в рассказе. Я предпо-

⁴ О генетическом восхождении «Повести о Горе-Злочастии» к притче писал Андре Мазон см. Mazon A. «Горе-Злочастие Malheur-mauvais destin» // RES Paris, 1951 T. 28 P. 26—34.

⁵ Федоров А. Ю. «Повесть о Горе и Злочастии» в ее отношении к волшебной сказке // ЮДРЛ Л., 1990 T. 44 С. 286.

читаю видеть в композиции «Повести» серию зигзагов, намеченных уже в поучительной вводной части, в которой подчеркивается контраст между блаженным состоянием человека в раю и его последующим жалким земным существованием. «Молодец» начинает независимую жизнь, следуя родительским наставлениям. За первоначальным взлетом следует падение (через кабак) к стыду и бедности (первое падение). Откровенное признание своих слабостей позволяет «молодцу» преодолеть состояние упадка и встать на «праведный» путь (второй взлет). Его хвастовство тем временем делает его потенциальной жертвой Горя. Подстрекаемый горем, он переживает второе падение, после которого, из-за решения покориться Горю, дабы не умереть с голоду, он не в силах последовать доброму совету перевозчиков и вернуться в отцовский дом. Его бегство в монастырь — третий подъем представляет собой единственную возможность вырваться из бездны несчастий, но оно — не более чем приют, доступный слабому человеку в этом мире. Таким образом, композиция «Повести» основана на серии восходящих и нисходящих зигзагов, представляющих собой моральные взлеты и падения на жизненном пути молодого человека, с незавершенным последним отрезком пути. Следуя фольклорному образцу, юному герою даются три возможности, а не одна, присутствующая в притче, но по существу «Повесть» обрисовывает тот же самый конфликт между внешним воплощением нравственности и моральным распадом.

Лесков же, напротив, избрав ожерельное построение как основу композиции «Очарованного странника», хотел отдать должное традиции эпической поэзии, Фенелону и Сервантесу, напоминая вместе с тем читателю, что, как и Гоголь с его поисками путей возрождения национального элемента в российской жизни, сам он тоже хотел сосредоточить внимание на России, на сути русского духа и на идее нравственности в настоящем и будущем своего отечества. Как замечает А. А. Горелов, «предметом изображения стал характер, символизировавший народ в его движении от прошлого к будущему».⁶ Дальнейшие исследования подтвердили взгляд Михайловского на композицию повести, на принципы повествовательного метода Лескова, порой настаивая, что «анекдотизм», как называет это Л. Гроссман, или был уместен в контексте своего времени, или же отражал соотношение между «случайностью» в судьбе героя и отсутствием последовательности между различными сторонами его характера.⁷ Другие исследователи ставили своей задачей выявление тематического, композиционного единства произведения, указывая на то, что нить, на которую «нанизаны бусы», соткана не только лишь из аспектов личности героя.⁸

Определенное число связующих звеньев указывает на взаимоотношение между зигзагами «Повести» и «бусами» Лескова. На простейшем уровне жизнь Флягина состоит из эпизодов, от которых он старается уйти, так же как и «молодец», бежит от последствий своего запоя; затем, подстрекаемый Горем, бежит от своей невесты и от внешне благопристойной жизни лишь с тем, чтобы обнаружить, что от Горя ему не уйти и что придется искать себе убежище в монастыре. В «Очарованном страннике» Иван Северьянович бежит от жестокого наказания, наложенного на него за то, что мучил кошку, бежит от работы нянькой, потом после того, как забил насмерть татарина розгами; бежит из степи, бежит, убив Грушу. Лишь после убий-

⁶ Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура Л. 1988 (С. 200)

⁷ Гроссман Л. Н. С. Лесков Жизнь, творчество, поэтика М. 1945 (С. 261–262) Громов П., Эйхенбаум Б. Н. С. Лесков (Очерк творчества) // Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. М., 1956–1958 Т. 1 С. XXIX (далее ссылки на это издание в тексте)

⁸ Столярова И. В. В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова) Л. 1978 (С. 118–153) Горелов А. А. Н. С. Лесков (С. 182–215)

ства Груши в результате некоего процесса внутреннего роста бегство перестает быть его единственной реакцией на кризисную ситуацию, и постепенно он начинает приближаться к моральной позиции принятия на себя чужих грехов. В этом смысле он является противоположностью «молодца», который имеет возможность исправиться, но не использует ее.

Помимо перемежения периодов относительно устойчивой жизни и бегства главным композиционным принципом в «Очарованном страннике» является антитезис, хотя порой он скрыт за общим живым тоном произведения.⁹ Сменяющиеся картины в «Очарованном страннике» не являются собой простой контраст между праведной и неправедной жизнью, какими они предстают в «Повести». Будучи частью общего образного строя произведения, они представляются более тонкими и разнообразными, ибо в конечном счете идут от противоречивых свойств характера Ивана Северьяновича. Например, во второй главе описываются два противоположенных по сути несчастных случая, в одном из которых Флягин убивает монаха, а в другом спасает жизнь своих господ. Эти два эпизода, помимо того, что они представляют из себя моральный антитезис, отражают две коренные черты характера Флягина: предрасположенность к беспричинной жестокости и истинную храбрость и человечность. Тот же контраст проявляется в его любви к паре голубей, с одной стороны, и в его жестоком обращении с кошкой — с другой, в доброте, когда он выступает в роли няньки, и беспощадности, когда он избивает татарина. Все эти композиционные приемы отражают неспособность странника руководствоваться не чем иным, кроме как своим порывом, будь то из благих или дурных побуждений. Антитезис заложен в его характере, так же как он есть выражение цепи противоречий, которыми представлялось Лескову его отечество.

Заложенная во Флягине тяга к благодеяниям — основа еще одного тематического контраста: противопоставления принятых правил поведения и нравственного инстинкта героя. Так, например, он действует по правилам, отказываясь вернуть матери ее ребенка, но когда дилемма предстает в форме контраста между нелюбящим отцом и заботливой матерью, его позиция меняется. Эпизод, в котором православные миссионеры отказываются помочь Ивану Северьяновичу убежать из плена, несмотря на то что он их единовец, противопоставляется христианскому милосердию тех, кто готов откликнуться на страдания человеческие, будь то священник, молящийся за самоубийцу, или же Иван Северьянович, убивающий Грушу, дабы спасти ее душу. Лесков осуждает отсутствие милосердия в позиции официальной церкви и раскрывает противоречия между государственными / церковными законами и принятыми нравственными нормами поведения.

Но в «Очарованном страннике» присутствует еще один антитезис — между свободой и ее ограничением. Его тоже можно рассматривать на уровне сюжета или темы. Свобода Игоря Северьяновича ограничена физически, когда его наказывают за мучение кошки и когда он становится татарским пленником, за чем в обоих случаях следуют побег и свобода. Периоды ограничения, когда он работает «консермером», перемежаются с безумными запоями и отражают тем самым его собственную зачарованность, которая не позволяет ему посвятить свои непревзойденные качества, физические и моральные, служению на благо людям и своему отечеству. Хотя в произведении присутствуют и другие связующие звенья, кроме антитезиса в различных его формах, контраст является одним из самых значительных композиционных приемов в «Очарованном страннике».

⁹ См. Wehrle A. J. Paradigmatic aspects of Leskov's «The Enchanted Pilgrim» // *Slavic and East European Journal* 1976. T. 20. P. 371—378.

Если оба обсуждаемых нами произведения русской литературы рассматривать как нравоучительные притчи, то сходство с ними строения притчи о блудном сыне представляется дополнением к их общей интерпретации. «Повесть» часто считают выражением конфликта между отцами и детьми, а на вводную часть смотрят как на попытку оправдать авторитет старшего поколения или даже как на позднее добавление. Тем не менее ее связь с нравственной аллегорией притчи наводит на мысль о необходимости более широкого толкования «Повести, нежели уподобление ее «отцам и детям» XVII в. Идеальный образ жизни, намеченный в ней, — в основе своей образ мирской, что, впрочем, не является противоречием для «добрых людей», считающих себя благоверными православными и посвятивших всю жизнь стараниям избежать несчастий, обрушившихся на человека после грехопадения. И хотя, несмотря на всю обобщенность содержания, действие «Повести» происходит в купеческой среде, в которую, по-видимому, произведение и уходит корнями, выражаемые в ней ценности должны были быть близки и понятны широкому кругу российской общственности того времени, если судить по описанию Н. А. Миненко крестьянских нравов в Сибири в XVIII и в первой половине XIX в.¹⁰ Их сходство с купеческими нравами в «Повести о Горе-Злочастии» поразительно. Н. А. Миненко упоминает ловкость, бережливость, трезвенность, уважение к частной собственности, честность и прямоту (кроме как по отношению к помещикам и чиновникам), гостеприимство и уважительное отношение к гостям, уместность поведения, оказание поддержки членам общины и признание права окружающих на сохранение чувства собственного достоинства. Молодежь не должна приобретать дурные привычки: Миненко отмечает, что, когда молодого Николая Чукмальдина послали в город работать на богатого родственника в середине прошлого века, его тетка наставляла его не пить и не курить. Миненко также замечает, что честь семьи и всей общины зависела от поведения каждого из ее членов, что наверняка осознавал «молодец» и из-за чего так не хотел, чтобы родители узнали о его неудачах. Еще в большей степени поражает история, приведенная Миненко и характеризующая отношение сибирского крестьянина к монастырям и к праведной православной жизни. В ней описан монах, двадцать лет моливший Господа Бога о спасении, который вдруг узнает, к великому своему разочарованию, что мужику и его жене спасение было даровано за простую трудовую жизнь. В «Повести» отражена идея, что честный благонамеренный труженик так же праведен, как и представитель духовенства. В этом свете стирается присутствующий, на первый взгляд, во вступлении контраст между мирскими установками родителей / «добрых людей» (и их поведением) и церковным учением. Родители наставляют молодого сына, чтобы он был праведным христианином. Таким образом изначальное описание грехопадения не есть оправдание мирского настояния на послушании и смирении, но, напротив, намечает параллель с отвержением праведной жизни юнцом, который предпочел ей растление и горькую участь. «Повесть о Горе-Злочастии» следует считать отображением мирской православной традиции и вопросов, занимавших тех, кто жил в XVII и начале XVIII в.¹¹

¹⁰ Миненко Н. А. Живая старина Будни и праздники сибирской деревни в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 90—99.

¹¹ Таким образом, мое мнение отличается и от традиционной точки зрения, подтвержденной еще А. А. Назаревским в 1969 г. (см. Назаревский А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочастии» // ТОДРЛ Л. М., 1969. Т. 24. С. 199—204) что «Повесть» отражает конфликт отцов и детей и также не совпадает полностью с мнением Д. С. Лихачева, который считает, что главная тема «Повести» — доля всего человеческого рода. Не могу согласиться и с мнением И. Збилюта. Zbiłut J. P. The Tale of Misery and Ill Fortune as allegory // Slavic and East European Journal 1976. T. 20, № 3. P. 217—223.

В «Очарованном страннике» прямая связь с притчей о блудном сыне гораздо слабее. Прежде всего ни герой, ни место действия не безымянны, ибо время и намерения Лескова требовали другого подхода. Так же как Гоголь сделал попытку охватить всю Россию в «Мертвых душах», и Лесков в своем стремлении раскрыть разнообразие и яркость проявлений российской жизни решил поместить своего героя в самые разнообразные ситуации. Воплощение в нем всего того, что, по мнению Лескова, заложено в русском народе, требовало как можно более детального изображения. При этом писатель подчеркивает типичность героя, избрав для него имя «Иван Северьянович». «Иван» — как типично русское мужское имя, отчество, отражающее его происхождение, и фамилию, указывающую на его безнадежное пристрастие к бутылке.¹² Множество фольклорных и литературных ассоциаций превращает Ивана Северьяновича в символ русского человека, связывающий его с отличными, на первый взгляд, безымянными героями притчи и «Повести».

Очарованный странник может поначалу показаться непохожим на двух других героев. Родом из крестьянской семьи, он неимущ, и ему нечего терять. И от своих родителей ему не довелось получить доброго совета: мать умерла, а отец заботится лишь о том, как сделать из сына форейтора, за погрешности же бьет его нещадно. Но, с другой стороны, символические связи между «Очарованным странником» и притчей, возможно, даже сильнее, чем между притчей и «Повестью». Покойная мать Флягина дала обет, что сын ее посвятит жизнь служению Богу. Об этом ему напоминает его видение, обычно являющееся лишь Божиим избранникам, т. е. святым. Иван Северьянович и вправду в этом мире ничем не владеет, но он наделен определенными личными качествами, т. е. даром Божиим. Он разбирается в лошадях так, как не дано выучиться и князю («С Божьею помощью-с, потому что я к этому дар имею» (IV, 391)); обладает удивительной физической силой, которой, к сожалению, слишком часто злоупотребляет; чувством сострадания и добродетелью, которые в нем, скорее, врожденные, чем воспитанные; и, наконец, четким осознанием правды и неправды, порой доводимым до абсурда отсутствием гибкости. Своим расточительным отношением к дарованному ему Богом Иван Северьянович выказывает неповиновение. Его отказ покориться предписанной судьбе, которая, если бы он последовал ей, привела бы его в монастырь в начале, а не в конце повести, является актом неповиновения Господу. Он даже сам называет себя потерянной душой и блудным сыном, вспоминая о том, как вылез из пьанства: «...блуждал, потому этот... магнетизёр, он пьяного беса от меня свел, а блудного при мне поставил...» (IV, 504). В этом отношении он уподобляется блудному сыну, и по композиции рассказ ближе к точке отсчета (как и притча), чем «Повесть о Горе-Злочасти» с ее идеей праведной жизни в соответствии с законом отцовским и Законом Божиим.

Лесков не идеализирует монастырскую среду. В этом смысле «Очарованный странник» заимствует из текста «Повести» и только символически — из притчи. И Флягин, и «молодец» ищут убежища в монастыре, но ни для того, ни для другого этот выбор не является целиком положительным. «Молодец» не видит другого способа уйти от преследования Горем до самой его смерти и, будучи человеком слабым, вынужден принять отшельническую жизнь вдали от мирских соблазнов, а в то же время и диктуемые жизнью условия и ценности. Несмотря на то что трижды он получал наставления от старших о пользе «разума», герой не способен вести себя как человек

¹² См. McLean Hugh Nikolai Leskov: The Man and his Art Cambridge, Mass., London, 1977 P 243

взрослый, и монастырь поэтому символизирует его неспособность стать взрослым. Иван Северьянович же, напротив, считает монастыри и церкви неотъемлемой частью русского пейзажа; он лежит посреди степи пленником, и перед глазами у него возникают миражи: «Зришь сам не знаешь куда, и вдруг перед тобой отколь ни возьмется обозначится монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь» (IV, 434). Действительная же монастырская жизнь отличается от ее символического значения. Во-первых, зло (в форме иллюзорных соблазнов) не остается за воротами, в отличие от того, как это происходит с Горем и «молодцем». Во-вторых, монастырские власти не могут справиться с Флягиным, особенно с его развивающимся даром предсказания, идущим от его любви к отечеству, и отправляют его в паломничество. Лесков, относившийся к России пессимистически, не позволяет повести завершиться благополучным исходом, т. е. не замыкает нить бус — ожерелье. Его «странник», как и «молодец», обращается к монастырю как к средству уйти от тревог, как замечает сам Флягин, «здесь покойно, все равно как в полку, много сходственного, все тебе готовое: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает» (IV, 504). Но в то время как для «молодца» уход в монастырь является шагом вынужденным, Флягину, несмотря на несовершенство церковной общины, монастырская жизнь позволяет исполнить материнский завет, по которому его собственная жизнь предназначена Богу, что само по себе символизирует акт служения России. Он не только старше «молодца» по возрасту, но и приобрел «разума». Приведет ли его дар «пророчества» и готовность служить России к продолжению его скоморошества и дурачества в стране, в которой, по мнению Лескова, «народ» — младенец, а действительность «неразумна»,¹³ трудно сказать, но пока он по-своему стремится исполнить свое призвание.

Нельзя забывать, при каких обстоятельствах Иисус рассказывает притчу о блудном сыне. То, что его собрались слушать завсегдатаи таверны и грешники, дает повод книжникам и фарисеям, известным своим ревностным отношением к соблюдению Закона и моральным лицемерием, обвинить его в оправдании грешников. Христос же излагает три притчи — о потерянной овце, о потерянной драхме и о блудном сыне. Мораль выносится в особые слова: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). Недостатки Флягина в сочетании с его скрытыми добродетелями и положительными чертами характера, в глазах Лескова, являются символами простого русского человека и делают из него грешника, заслуживающего прощения, в отличие от «фарисеев» православной церкви, миссионеры которой отказываются помочь Флягину уйти из татарского плена. Монастырь — это небольшой шаг на пути к прощению. По моему мнению, вполне вероятно, что в своем произведении Лесков, которого волновал вопрос фарисейства официальной церкви, отталкивался от новозаветной притчи о прощении в той же мере, что и от «Повести о Горе-Злочастии».

«Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованного странника» связывают и другие общие темы, например тема пьянства. В то время как в притче о блудном сыне не описывается в деталях, какую именно форму приняла его бурная жизнь, и «Повесть о Горе-Злочастии», и «Очарованный странник» предостерегают от последствий пьянства. В «Повести» осуждается непослушание человека, но особо подчеркивается, как грешно пьянство. Из всех

¹³ Горелов А. А. Н. С. Лесков... С. 210—212; Столярова И. В. В поисках идеала. С. 124—125.

грехов, о которых предупреждают «молодца» родители и «добрые люди», его можно обвинить лишь в двух — в дружбе с сомнительными людьми («не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми») и в хвастовстве (хотя некоторые другие, как, например, азартные игры, тоже подразумеваются). Прежде всего, в соответствии с библейским поверьем, Бог изгнал Адама и Еву из рая за то, что они вкусили плода виноградного, что означает, что хмельной напиток становится последствием человеческого непослушания. Затем за рбдительскими наставлениями следует первое нарушение, когда «молодец» решает пойти в кабак с ложным другом, где потом и напивается. «Добрым людям» он так и объясняет, что питье, и не что иное, привело ко всем его несчастьям. Потом, когда Горе решает наказать его за хвастовство, оно во сне подговаривает молодого героя опять пропить все свое состояние. В «Очарованном страннике» пьянство не играет центральной роли, но представлено тем не менее как важное препятствие на жизненном пути Ивана Северьяновича. После долгих недель воздержания он уходит в многодневные запои, в результате чего впадает в отчаяние. Он относит свою «запойную страсть» к обстоятельствам, перед которыми сам бессилен, объясняя ее тем, что находится под властью «пьяного беса» (V, 474). Как замечает М. П. Чередникова, пьянство, по мнению Лескова, было страшной трагедией русского народа.¹⁴ Писатель был глубоко поражен тем, насколько важной эта тема являлась в версии сказания о блудном сыне в XVII в.

Покуда Иван Северьянович верит, что не властен над своей собственной жизнью, у него нет надежды контролировать свои порывы, будь они благие или дурные. Но заключить, что он, следовательно, пассивен как личность, было бы неверно. Флягин постоянно попадает в ситуации, которые являются следствием его собственных действий и принятых им самим решений. Но тем не менее его духовное рабство, его «очарованность» не позволяют ему поступать мудро. Как отмечает А. А. Горелов, «действительно, словно бы вся традиционная сюжетика древнерусской житийной литературы и фольклора, отражающая хождение человека по мукам жизни, вместились в повесть одной судьбы».¹⁵ Этот путь жизненных мук и испытаний указывает и на «Повесть о Горе-Злочастии» в той мере, в какой она связана с житийной литературой. Хотя идея Горя не использована Лесковым в его произведении, можно предположить, что муки и испытания, которым подвергается Иван Северьянович, принимаемые им как нечто неизбежное, приносят ему «горе и злочастие». Он настаивает: «Я многое даже не по своей воле делал» (IV, 395), намекая, что обет и предсказание матери обрекли его на все его жизненные перипетии и предопределили его судьбу. Образ Горя, являясь сочетанием народных представлений о зле и отражением христианской идеи дьявола в его роли мучителя и соблазнителя, имеет много общего с «пьяным бесом» и с лесковским героем, которого не покидает ощущение неизбежности судьбы. Когда Иван Северьянович бежит от места, на котором погибает Груша, он чувствует, что его преследует глумящийся бес, подобный Горю в своей разрушительной силе: «...помню только, что за мною все будто кто-то гнался, ужасно какой большой и длинный и бесстыжий, обнагощенный, а тело все черное, а голова малая, как луковочка, а сам весь обросенький, в волосах, и я догадался, что это если не Каин, то сам губитель-бес...» (IV, 498). Но есть здесь и важное различие: если лесковский герой ощущает, что на свою трудную судьбу он обречен с рождения, то «молодец» поначалу считает себя свободным (включая и свободу поступать бездумно) и только позже начинает понимать, что это не так.

¹⁴ Чередникова М. П. О сюжетных мотивировках в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // РЛ. 1971. № 3. С. 123.

¹⁵ Горелов А. А. Н. С. Лесков... С. 204.

Еще одна связующая тема в «Очарованном страннике» и в «Повести о Горе-Злочастии» — это тема самоубийства. В «Повести» «молодец» помышляет о самоубийстве в состоянии ужаса перед голодной смертью, несмотря на то что это крайняя мера, которая исключает надежду на спасение (отсюда и угроза мучений, исходящая от Гора, которым оно подвергает своих жертв даже после того, как сводит их в могилу). В «Очарованном страннике» тема эта более развернута, но для нашего рассуждения важны лишь две попытки Ивана Северьяновича покончить с собой. В начале повествования, будучи не в состоянии вынести унижительное наказание за мучение кошки, он предпринимает попытку самоубийства из чувства униженной гордости, но его спасает случай — появление цыгана (IV, 405). В конце же, замученный суетностью чиновничьей службы, он помышляет о самоубийстве, но на этот раз настаивает, что он «благодаря Бога и с отчаянности до себя этого не допустил» (IV, 502). Таким образом, тема самоубийства подчеркивает медленное продвижение паломника по направлению к «разуму» и его становлению на праведный путь.

* * *

«Очарованный странник» — произведение, полное народных и литературных отголосков, в наибольшей степени, по-видимому, идущих от былин. Тем не менее связи его с «Повестью о Горе-Злочастии» часто не учитываются. На молодого неопытного героя «Повести», который покидает дом, чтобы вступить на путь жизненных испытаний: ударяется в пьянство, помышляет о самоубийстве, мучимый дурными силами извне до тех пор, покуда он не избрал монастырь как неизбежную замену праведной мирской православной жизни, — Лесков смотрел как на прототип своего странника. Различия проистекают от задач Лескова, которые обусловили гораздо более богатый «подтекст» с народными и литературными ассоциациями и неизмеримо более широкую пространственную и временную палитру. Таким способом он стремится охватить российский дух, воплощенный в «народе» и собранный в образе его героя. В «Повести о Горе-Злочастии» Лесков встретился со сложным нравоучительным произведением, защищающим ценности православных мирян того времени, построенным по принципу колебаний между добром и злом. Оно подтверждало его собственное представление о России как стране, состоящей из драматических контрастов: в своих путевых записках о поездке на Ладожское озеро летом 1872 г., совсем незадолго до того, как он начал писать «Очарованного странника», опубликованного годом позже, Лесков восклицает: «Боже мой! Боже мой! Что мы за необыкновенный народ! И кто, какой чужеземец может нас знать и отводить нам место и значение? Куда стремишься, куда плывешь ты, о святая родина, на своем утлом корабле со своими пьяными матросами? Как варит твой желудок эту смесь гороха с капустой, богомолья с пьянством, спиритских бредней с мечтательным безверием, невежества с сомнением? <...> О крепись, моя родина, крепись — ты необходима».¹⁶ Контрасты, которые он видел в России, вместе с моральными контрастами «Повести», он переработал и включил в образ своего героя и в композицию «Очарованного странника». Хотя образы «богатырей» «ответственны» за многие героические аспекты личности лесковского странника, его скитания в облике грешного сына православной России опирались, по крайней мере в той же степени, на образ «молодца», повлекший за собой дальнейшие символические связи с притчей о блудном сыне.

¹⁶ Лесков Н. С. Запечатленный ангел, рождественский рассказ, Монашеские острова на Ладожском озере. Путевые заметки СПб, 1874 С 219 Цит по Горелов А. А. Н. С. Лесков С 194—195